

Муса Мураталиев

КОРИД-ДУРА

18+

Муса Мураталиев

Ковид-дыра

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Муса Мураталиев

Ковид-дыра / Муса Мураталиев — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Герои книги «Ковид-дыра», члены одной семьи, становятся участниками мирового события. Пандемия захватывает их внезапно. Они изолируются, как требуют от них, и живут, терпеливо меряя квадратные метры своего жилища день за днём. Минуты радости от близости родных порою сменяются чувством горечи из-за отсутствия общения с друзьями. Они мучаются от тесноты своего жилища, ограничения связи с внешним миром и учёбы в онлайн-пространстве. Новый вирус за это время успевает разъединить людей, перекроив обычный уклад их жизни.

© Муса Мураталиев, 2020

© ЛитРес: Самиздат, 2020

Повесть

1. АСТМАТИК

– Я ничего не мог поделаться со своими сомнениями.

Они потихоньку точили моё сердце.

Мне захотелось вдруг пойти к соседу Николаю и рассказать всё это, но я вспомнил, что этого делать нельзя.

Тогда я вышел на балкон, чтобы оттуда поговорить со случайным человеком.

На нашей Одиннадцатой Текстильщиков – тишь да гладь!

Отсутствуют ряды машин, в обычные дни выстроившиеся вдоль ограды.

Я не поленился, пошёл на кухню налить бокал вина.

Потом вернулся на балкон, чтобы увидеть кого-нибудь.

Стою на балконе с бокалом в руке, на свежем воздухе, наслаждаюсь Каберне Фанагории.

Неделю назад перед нашим балконом (тут была спортплощадка) поставили пять бытовок для рабочих.

В них обустроились рабочие, чтобы начать капремонт соседней кирпичной пятиэтажки, которая торцом выходит на наш дом.

А мы ждём своей очереди капремонта давно, но он отодвигается всё дальше по времени.

Стою на балконе и думаю о причине остановки капремонта нашего дома.

Вдруг вспомнил о новом вирусе.

– Почему его стали бояться во всём мире? – спрашиваю вслух себя.

Вдруг вижу рядом с бытовками полицейскую машину.

Она там уже стояла, оказывается, когда я вышел на балкон, поэтому я сразу её не заметил.

Тут меня разбирает чисто человеческое любопытство.

Вглядываюсь, двое полицейских разговаривают. Голоса их мне не слышны.

Перед ними старик с нашего дома.

Кажется, он со второго подъезда.

Я его встречал, но на деле, кто он такой, не знаю.

Он – невысокого росточка. Когда хорошая погода, имеет привычку прохаживаться под нашими окнами около часа или вроде этого.

Как-то встретил его напротив Христианского центра.

Думаю, дай поздороваюсь:

– Здравствуйте, – говорю я.

– Что-что?!

Поднял голову и застыл с широко раскрытыми глазами.

Вглядывается в меня безотрывно.

– Вы хоть считаете, сколько шагов проделываете или так, впустую тратите время? – говорю я.

Человека оторопь берёт. Вижу, не знает, что сказать, а ответить хочется.

– Да не трудитесь, – говорю я. – Параметры нашего дома мне известны.

Широко улыбается тут старичок и говорит:

– Инженер что ли?

– У меня шагомер, он всегда со мной, – говорю я. – Вот и весь секрет!

Он хохочет. Видно, зубы у него в порядке.

Тут открылся у него кашель, и, борясь с ним, махнул мне рукой, мол, пока!

Вот он и стоит перед полицейскими и что-то объясняет.

Я, поставив бокал на плетённый круглый столик, присел на складной стул и, вытянув шею, стал смотреть на них.

Привлекать внимание полицейских ни к чему, могут позвать понятым.

В это время из-под нашего балкона на ленте дороги показался Хусаин Ильгизыч, из нашего подъезда.

Он направляется к полицейской машине.

Кто-то его пригласил или Хусаин идёт по своей воле, мне неизвестно.

Но полицейские, похоже, потребовали у него паспорт.

Хусаин пощупал передние карманы, брючные карманы, а потом побежал назад.

Слышу топ-топ.

Хлопнув наружной дверью, вошёл в наш подъезд.

Я опять вылез из укрытия с бокалом в руке.

Тут опять Хусаин подбежал к машине полицейского.

Те пригласили его в кабину, пока один заполнял его паспортные данные, другой полицейский передал старичку какую-то бумагу.

Всё закончилось тем, что после заполнения стариком той бумаги его отпустили.

– Я вышел всего-то погулять, а они говорят – нельзя, – жаловался старичок из соседнего подъезда Хусаину. – Откуда мне знать, что порядки новые ввели?

– Как? А телевидение, радио? – говорит Хусаин. – Вышло указание! Целую неделю объявили нерабочей, притом по всей стране.

– Иди ты!.. – удивляется старичок.

– Парки, стадионы, клубы, театры, музеи, рестораны закрыты.

– Да ты что?!.. – остановился тут старичок.

– Школы и вузы прекратили обучение, занятия начали вести дистанционно, – говорит Хусаин Ильгизыч.

– Дистанционно? – говорит старик. – А как это?

– Теперь собираться нам с тобой ещё можно. – отвечает Хусаин. – Нас двое, а так больше пятидесяти человек теперь собираться не могут. Точка.

– Ещё что? – говорит старичок.

– При встрече надо соблюдать между собой двухметровую дистанцию.

– Ну и ну! – смущается старичок.

– А вот тебе, Ваня, надо оставаться дома, а не со мной тут разговоры разговаривать со мной тут, – поднимает Хусаин указательный палец в небо. – Этого делать тебе не положено!

– А это за какие мои грехи не положено? – говорит Иван.

– Все старики должны отдыхать сидя дома. Точка!

– Это я знаю, – говорит старичок. – Мне сосед с 9-го этажа как-то тоже об этом говорил. Со мной разговаривает, а сам почему-то глаза прячет...

Стесняется что ли?

Поэтому толком не понял.

И тебя, Хусаин, тоже не пойму...

Кто меня к кровати привяжет?

Не мать же они мне?

И не насильники какие-нибудь с большой дороги.

– Ну! Не понял, значит, не понял! – говорит Хусаин сердито. – Как говорится, что имею то и продаю.

Садись ближе к экрану и узнавай сам, что тебе делать или не делать.

– Зомби-ящик смотрел лет десять назад, радио никогда не слушаю.

Вообще, то, что творится в мире, мне до лампочки!

Мне минуту лишнюю сидеть дома – к смерти приближение, а тут, говорят, не гуляй! Без свежего воздуха мне дурно делается!

Мне нельзя находиться на домашнем режиме, никак!

Астматик я, притом хронический!..

– Громко не говори, а то ещё заберут, – уговаривает его Хусаин. – А там тебе остаться в живых или умереть, решат другие.

– Пенсионеров, конечно, переизбыток... – говорит ему Иван. – Ну, что же теперь? На себя руки наложить, что ли?

Я всю жизнь простоял у станка на заводе Москвич!

Взамен имею, вот, хроническую астму...

Не замечая, что я слежу за ними и слышу их разговор, они, проходят медленными шагами под моим балконом и скрываются.

2. АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

На спуске появляется молодой человек в белом.

За спиной прозрачный рюкзак, квадратный по форме, из пластика.

При движении в нём непонятная жидкость, ударяясь об одну стенку, откатывается назад.

В руках он держит длинный шланг как копьё.

Он направлен вперёд, но для чего ему шланг – мне неизвестно.

– Наш Ангел-хранитель, – говорю я, – оберегает нас от вируса ковида.

– Послан самим Богом, – острит внук из своей комнаты.

– Нет, создателем этого вируса, – отвечает ему внучка из своей комнаты.

– Послан он начальством нашего округа Текстильщики, – говорю я.

Тут Соня приходит из кухни посмотреть на него.

Молодой человек, достав из бокового кармана белого комбинезона мобильник, садится на бордюр и разговаривает громко на своём языке.

Голос хорошо слышен, но слов его я не понимаю.

Я напрягаю слух, ищу какое-то сходство с другими языками.

Он не похож ни на китайский, ни на турецкий, арабский, не говоря уже об европейских языках.

3. КОЖАНАЯ ШЛЯПА С КЛЮВОМ

Я дошёл до кухни и сходу заявляю Соне мысль, которая пришла мне в голову только что:

– Дорогая моя, радуйся! – говорю я. – Эта зараза на деле сплотила нашу семью!

– Слышите! – с восторгом передаёт Соня мою мысль внукам. – Дедушка принёс новость!

– Какую? – говорит внук из своей комнаты. – Ну?!

– В Упо играем? – отвечает внучка из своей комнаты. – Или в Руммикуб?

– Дедушка хвалит ковид, говорит, он сплотил нашу семью!

– Он заставил нашу семью сидеть за одним столом, – говорю я.

– Неужели? – сомневается внук из своей комнаты.

– Родные становятся роднее, когда случается беда! – отвечаю я на этот раз. – Это нехорошо, но у людей так бывает! Даже чужой в такие минуты становится как свой.

И тут внук заявляет:

– Дедушка, ко мне сегодня придёт Катя.

Он это для бабушки говорит, но обращается ко мне.

– Любовь, конечно, свята... – говорю я тоже вместо Сони. – Но сейчас порядок – святая святых...

Все молчат и ждут, что скажу дальше.

– Вот такая чехарда! – говорю я теперь от своего имени.

– У нас никто не болеет! – говорит строгим голосом внук.

– Вот тут пишут... – слышится голос бабушки из кухни, – час назад... увезли больного... с диагнозом ковид с соседней улицы!

– Каким боком эта улица стала для нас соседом? – говорит из своей комнаты внучка.

– Тут указано, Восьмая Текстильщиков, дом 3! – отвечает бабушка. – Указан пол больного, возраст...

– Кирпичная пятиэтажка, – спешу я вставить свою мысль. – Напротив тубдиспансера.

Все молча ждут, кто что скажет.

– Карантин, домашний режим, самоизоляция, – размышляю я. – Всё это почти военные термины! Больше похоже на военные действия, нежели игру в прятки с ковидом.

– Чаше мойте руки, – подаёт голос Соня с кухни. – Вышли на лестничную площадку, пришли – мойте руки, как следует.

Помолчав секунду, она продолжает:

– Это требование обязательное.

Тут внучка сходу вмешивается в разговор:

– Достали! – говорит она повышенным тоном из своей комнаты. – Не приближайся ни к кому! Не выходи на улицу! Дома сиди!

Думаете, как вы сказали, так и должно быть? Мы уже взрослые, имеем достаточно своего ума.

– Вчера мы с Катей гуляли на Красной площади, – говорит тут внук на этот раз спокойно. – Там полно зевак, ничего не думая гуляют. А это что?

Я думаю, тут большая доза сотрясения воздуха, чтобы усыпить нашу волю.

– Не дай бог, какая-нибудь толпа не образовалась стихийно на улице, вот чего боитесь! – говорит внучка.

– Ну, что делать, крохи мои, дорогие, – говорю я. – Наконец взрослые твёрдо поняли, что мир оказался един. Чихнули в городе Ухань – заразный плевков рассеялся по земному шару!

Мы не берём во внимание этот случай всерьёз, хотя на деле так и есть.

Вот, известный врач Рошаль назвал распространение вируса репетицией биологической войны!

Я его слова повторяю, а бабушка мне: «Типун тебе на язык!»

Это от того, что бабушка, как никто другой, не хочет войны, потому такая быстрая реакция!

– Пусть тогда разрешат нам носить кожаную шляпу с клювом, – говорит внук из своей комнаты. – Чтобы мы могли выйти на улицу, как во время чумы.

– Кожаную шляпу носило не население, а врачеватели чумной эпидемии, – отвечаю я.

– Ну да?! – подаёт голос внучка.

– Как другие страны быстро поверили в заурядность эпидемии? – задаёт себе вопрос внук, адресованный, по сути, мне.

– А как иначе? – отвечаю я. – В Ухане этот, с твоей точки зрения заурядный ковид, косил беспардонно людей налево и направо...

А это разве не доказательство?

– Ну да?! – опять встречает внучка.

– Так, в Италии умирали от ковида в феврале 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29-го, то есть, каждый день и каждую ночь!

Ковид доказал, что он сильнее человеческих страстей, с ним шутки плохи.

Я прочитал информацию о китайском докторе Ли Вэньлянь, открывшем новый вирус и умершем от того же вируса.

Я подумал, что подобные случаи бывают в медицине.

Мало ли, доктор Ли Вэньлян мог сам заразиться по неосторожности, или причина его смерти совсем другая.

Узнал также, что китайцы определили все признаки ковида, как ОРВи, но пути лечения не могли найти.

К неизвестному вирусу нужен иной подход и совсем другой препарат, который человек ещё не сотворил.

За малое время эта зараза изматывает человека до изнеможения, а потом всё завершается отёком лёгких.

В нашей квартире наступает абсолютная тишина...

4. ВИЗИТ УТКОНОСА

Звонок в дверь. Я смотрю на Соню.

Думаю, кто это может быть?

Она, порывшись в карманах, находит банковскую карточку.

Потом направляется к двери.

Года два Соня расплачивается за товары картой.

Я понимаю, это Утконос привёз наш заказ.

Открывается дверь, за порогом стоит высокого роста парень и ставит пакеты с продуктами в прихожей.

Не прошло и пяти минут как прихожая заставлена большими зелёными пакетами.

Курьер Утконоса уходит.

Хочу помочь Соне, но она, указав жестом, не даёт мне приближаться к пакетам.

Синий указательный палец Сони в резиновой перчатке остаётся у меня в памяти.

Она сама занимается сортировкой продуктов, из каждого пакета вытаскивает содержимое, обрабатывает антисептиком, обтирая со всех сторон пакеты.

Потом перемещает одни на кухню, другие – в холодильник, а третьи – на балкон.

Я остаюсь всё там же, наблюдая, как идёт у Сони работа.

Неожиданно внук не выходит на вечернюю игру, которая в эти дни устанавливается у нас как новая традиция.

Все понимают, что он тоскует по Кате. Она сейчас на Алтае и тоже на карантине.

Когда он настаивал, чтобы Катя жила у нас, я сказал, что это нарушение требований карантина, поэтому нежелательно.

Защёлкнув свою дверь, внук даёт знать, что хочет остаться один.

– Раздавай кости на троих, – сказала Соня мне громче обычного. – Не будем ждать его, сейчас ему лучше побыть одному.

– Нет повода ссориться! – говорю я тоже громко.

– Только вчера всё было хорошо... – не договаривает бабушка. – Он показывает всем дурной пример, пусть отдыхает.

– До конца апреля выдержать! – говорю я. – Тогда избавимся от вируса.

– Все прогнозируют, что тяжёлые последствия сейчас в Италии, США и в Турции, – сказала Соня.

– Боюсь, это надолго, – говорю я. – Дай бог, чтобы весенний посев прошёл без вмешательства ковида.

Какие бы бедствия мы не испытывали, надо думать о хорошем и светлом деле, тогда та дорога придёт к нам!

Моя семья, тут отмолчавшись, даёт мне слушать тишину.

И это похоже на время чтения молитвы.

Из комнаты внука вдруг доносятся звуки гитары.

– Мы будем играть или нет?! – говорит на этот раз строго бабушка.

– Да-а! – отвечает внучка из своей комнаты.

– А как же?! – подаёт голос из своей комнаты внук.

Я встал приготовить круглый стол для игры.

Соня пошла на кухню, нарезать фрукты.

Мы заняли свои стулья: я напротив внука, а Соня против внучки.

Согласие на участие в игре внука облегчило нашу душу, отодвинув предчувствия долгой натянутости отношений в семье.

Игра в Руммикуб заставляла нас возвращаться к прежнему укладу.

Тем не менее, как всегда, я спрашивал то у внука, то у Сони цвета фишек.

Мой дальтонизм провоцировал их веселье, чуточку избавляя от гнёта домашнего режима.

Все трое заливались смехом, а мне было тепло на душе и без смеха.

– Дети, вы на связи с институтами? – спрашивает вдруг бабушка. – Что-то никаких щебетаний ваших не замечаю?

– Бабушка-а! – отвечает внучка раздражённо. – Сегодня был английский язык, потом история кино. В следующий понедельник лекция по экономике

5. ВОРОНЬЕ ГНЕЗДО

Пока бабушка раздаёт фишки – ждём.

Оглянувшись, я вижу, что небо застлано тучей, а потом вовсе пошёл снег такими редкими хлопьями, что каждое видно хорошо.

Мне интересно, и я, встав, подошёл к окну.

Белые лёгкие лоскутки парили в воздухе и, опустившись на асфальт, тут же таяли.

Потом превращались в чёрное пятно.

От форточки до моих ступней добрался холодный воздух.

Кашлянул, и даже пришлось натянуть носки, вывернув их на лицевую сторону.

Они тут сушились на батарее.

Ступни мои приняли их с благостным чувством.

Ветви ясеня, что растёт напротив нашего окна, ещё не обрели листья.

Зелень никакая, одни прутики.

Лишь кончики ветвей отметились крохотными бутонообразными почками.

Вдруг прилетела серая ворона. Не успела сесть на чашу меж трёх ветвей ясеня, и тут же её не стало видно.

Так пернатые ложатся на дно гнезда, когда хотят замаскировать себя от посторонних взглядов.

Пристально вглядываясь, замечаю, что там прутья от гнезда.

Оказывается, в этом году городская ворона там свила гнездо.

Отсюда мне видны стены кирпичной пятиэтажки, что правее спуска.

В подвальном помещении пятиэтажки разместился Христианский центр.

Окна его наглухо зарешечены.

Над ним два окна первого этажа в квартире, арендованной дворником, окна также зарешечены, только кованым железом.

Над всеми этими домами в небе ярко светит солнце.

Его не видно из нашей комнаты, но я знаю, что оно там есть.

На улице уже потеплело.

Весенний день заманивает меня на прогулку.

Но делать этого людям пока нельзя.

Половины окна, с собранными вверх жалюзи, достаточно, чтобы почувствовать себя участником внешнего мира.

Освещение, тепло от батареи и небывалая тишина на нашей Одиннадцатой Текстильщиков делают мою семью борцами против ковида!

– Кажется, везде предвидят приближение заразы века! – говорит мой внук вдруг. – Как это, возможно?

Из сказанного внуком в моей голове остаётся слово «предвидят».

Закрытые двери, пустующая улица за нашим окном, где гуляют одна трясогузка и пара голубей – разве всё это не предсказывает безнадёжность?

Сегодня – как вчера. Ничего не меняется.

Хотя мы всё время надеемся увидеть что-нибудь другое. Поэтому я говорю:

– Надо надеяться на лучшее.

– Пора думать о себе, – перебивает меня вдруг Соня. – Нас много, а власть у нас одна!

– Зараза убивает нас по отдельности, а не с правительством вместе! – говорю я. – Ковид вступил битву с одним человеком.

Ему на руку, чтобы мы боялись его и как можно скорее обрели ковидофобию!

От одного переходя к другому, а далее к любому, он добивается своей цели. Скажу откровенно, что на деле, я не вижу пользы от режима одомашнивания человека.

Из домашнего режима мы выйдем другими.

Как говорит Владимир Фёдорович, инфицированными гиподинамией, доходягами.

– Как космонавты! – острит внук.

– У них есть все условия для движения, – говорю я. – А у нас, кроме тренажёра, ничего. Разве, это не льёт воду на мельницу ковида?

– Мы, жители Одиннадцатой Текстильщиков, участники исторического события, – говорю я. – Всего человечества!

– Мне перечислили на счёт 2000 рублей из того, что Президент обещал! Ура! – вдруг заявляет Соня.

Я хочу продолжать свою мысль, а жена торопит:

– Посмотри, посмотри! Тебе тоже должны поступить деньги!

Обычно по щебету своего телефона я узнаю о поступлении. На этот раз его не было.

Я проверяю свои сообщения, но там всё пусто.

– Недоразумение, – говорит Соня и добавляет. – Карантин ведь не закончился, потом переведут.

Тут мы углубляемся в свои мысли.

Мы оба пенсионеры в одной семье, и вдруг такая ситуация, поставившая нас в неловкое положение.

Я смотрю в окно на спуск.

Там пернатых, как и людей, или собак – никого не видеть.

– Ты права, – говорю я Соне. – Нам пора думать о себе

– Нет повода для грусти, – останавливает меня жена.

– Я прекрасно понимаю, что человек должен думать о своём благополучии с рождения, – говорю я, – но мы жили в другом измерении времени и в другом государстве.

Советская жизнь отучила нас от этого, прививая привычку думать обо всех.

Иди, помогай другим, потом кто-то подумает о тебе!

Соня молчит.

Я знаю, на деле она думает.

Голова моя воспроизводит тут мысль философа:

«Слабые и неудачники должны погибнуть»

6. ЗА КРУГЛЫМ СТОЛОМ

Мы собрались в большой комнате поиграть SCRABBLE.

Я занял белый деревянный стул, имеющий привычку на любое моё движение издавать скрип, хотя он имеет репутацию лучшего места в большой комнате.

Его придерживали для меня, хотя и другие стулья тоже белого цвета, но они из пластика.

Я вкладываю игру на стол.

При моём наклоне или движении рук стул издаёт скрип, и моя внучка всё время хохочет.

Остальные безмятежно молчат, следя, как я беру косточки с буквами.

Я был не в настроение, это давало напряжение всем быть начеку.

Даже игру затеяла семья из-за моего угрюмого настроения.

Соня провела сепаратный разговор с внуками на кухне и теперь следила за каждым словом, чтобы кто-то не сказал чего-нибудь лишнего.

Но эти старания никак меня не задобрили.

Семейная игра на мои внутренние переживания повлиять не может.

Эту особенность человеческого существования понимает моя внучка – она постоянно смеётся, как бы придавая всему этому особый шарм.

Все мы ждём опять связи со штатом Висконсин, с моей дочерью и зятем.

Вчера она написала маме, что позвонит после работы.

Я веселил внучку скрипом своего стула, но связи с дочерью пока нет.

Фруктовый салат из киви, банана, яблок и груши на столе, но есть, ещё не начали.

Тут Соня характерным жестом указывает на сервант, где стоит бутылка White Horse, купленная мне на день рождения, армянский коньяк, подаренный кем-то, и купленная в Утконосе бутылка Каберне Фанагории.

Перед внуками мне пить не хочется и, мотнув головой, отказываюсь.

Игра составления слов началась!

SCRABBLE прекрасен тем, что даёт возможность составлять диковинные слова.

Темп игры зажигает в нас азарт, и я составляю необычное слово – ковид.

Они не ждали, похоже, и задумались дольше, чем обычно.

Внук тут выстраивает своё слово – дыра.

Соня неожиданно ставит дивное слово – Пандора.

Внучка думала, думала, а потом выстроила – дура.

Хотя мы с бабушкой не раз замечали, что внуки иногда употребляли бранные слова, когда собираются с друзьями в своих комнатах, но такого урожая не ждали.

Я встаю и, открыв сервант, достаю оттуда White Horse.

Беру четыре рюмочки на один залп, сажусь обратно на своё место.

Ни внуки, ни Соня не могли понять, что всё это значит?

– Анахронизм у нас давно изжит, – говорю я Соне и смотрю ей в глаза. – Ребята не маленькие, пусть сами решают.

Бабушка подвинула тут же поднос с фруктами ближе к внукам, а я налил всем по рюмочки.

Сходу поднял рюмочку и предлагаю всем выпить.

– Спасибо, но мы не пьём! – говорит тут внук. – Не тот случай!

Мы с Соней не стали упрашивать их, а сами выпили.

Бабушка хотя любит красное вино, на этот раз поддержала меня.

Я думаю, на это её подтолкнуло моё плохое настроение.

Мне понравился её поступок и, обняв её за талию правой рукой, прошептал ей на ухо:
«Ковид-дыра, дура Пандора!»

Мы, взрослые, в один голос захохотали.

Внуки на минуту удалились и вернулись, держа в руках по баночке Pepsi и по пакету Skittles.

– Это правильно! – говорю я. – Несправедливо, когда из четверых двое увлекаются виски, а двое смотрят им в рот.

Соня встаёт, молча взяв бутылку, что стояла передо мной, идёт к серванту, осторожно ставит её на стеклянную полочку на прежнее место.

Я не люблю, когда без особой надобности забирают бутылку из-под моего носа.

Но как-то неохота было на этот счёт затевать разговор.

Стул подо мной закрипел как-то жёстко и тяжело, как только может.

Но на этот раз моя кроха не стала смеяться.

– Не смотри всё подряд! – говорит тут Соня мне.

– А что тогда? – говорю я. – Всё вернётся ко вчерашнему дню или изменится само собой?

– Голова не будет болеть по пустякам! – отвечает она на этот раз жёстче прежнего.

7. ВЫНОС МУСОРА

Внук, за время домашнего режима выносивший дважды мусор на помойку, сказал уверенным голосом:

– Послушайте, карантин этот надолго, – говорит он. – Бабушка, ты сходишь за бабушкиными лекарствами?

– А в чём проблема? – удивляюсь я.

– На меня уже косо смотрели, будто я нарушитель распоряжения о карантине, – говорит внук.

– Схожу, – отвечает Соня быстро.

Внук, резко включив свой комп, отчего раздался очень громкий звук, настраивает Skype для онлайн занятия.

В большой комнате мы с Соней, в своих комнатах внуки, двигая мышками, каждый ищет себе нужную информацию.

– Не огорчайтесь, если бы только мы одни... – вдруг выдаёт внучка из своей комнаты.

Солнце уже в небе, но открывать жалюзи ни я, ни Соня не хотим.

– Как это так, посадить всех людей на карантин? – говорю я. – Сколько можно? Ведь у людей назревает бунт, протест, если хотите!

– Они думают, пожилые, значит, со здоровьем что-то не то, – поясняет тут Соня. – Значит, все равно, что больные.

– Они боятся паники, которую обычно начинают умом тронутые, а не пенсионеры вовсе! – говорю я.

– У внука температура 37,1, – говорит, выходя из кухни, Соня. – Слышишь?!

Голос её строг и как бы сквозь слёзы.

«Ковид стучится в нашу дверь, требуя открыть ворота!» – думаю я и говорю:

– Вчера зря он выносил мусор на помойку.

Лучше бы я сам пошёл.

Надо повторно измерить температуру!

Витамин «С» разведи тёплой водой и дай, пусть выпьет.

Бабушка начинает журить внука за вчерашний поход в магазин.
– Лучше позвони Владимиру Фёдоровичу, – говорю я.
Мне, внучке, как и Соне, вдруг становится тревожно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.